

Имя «Тянь» означает тишину и покой, но этому едва вылупившемуся небесному демону стоило бы покаяться на коленях перед собственным именем.

В отличие от людей, новорожденные демоны обладают некоторой осознанностью и принимают за матушку того, кого увидят первым. Для Тан Тянь первым, кого он увидел, стал Лян Сюань.

Что же касается Тан Ци и Бай Цзю, то демонические владыки перед смертью просто побоялись взглянуть на него, страшась, что не смогут расстаться. Их единственной надеждой было то, что Лян Сюань позаботится о малыше до его первого дня рождения и убережет от невзгод. О большем они и не мечтали.

— Все равно Цин Ман мертв, месть свершилась, а в Долине радостных кошмаров безвластие, — говорил перед смертью Тан Ци. — Демоны сами выберут нового владыку, кто бы им ни стал. Если захочешь занять этот трон ты — мы не против.

Вспомнив эти слова, Лян Сюань брезгливо поморщился:

— Сам ты владыка, и вся семейка твоя — владыки! Сказать, что я мечу на этот трон... Какая изошренная жестокость!

Усопшие Тан Ци и Бай Цзю, будь они живы, наверняка бы лишились дара речи.

Неужели титул Демонического владыки настолько позорен?

Чистокровные демоны рождаются с чистым окрасом и развитым разумом. Стоит им пробить скорлупу, как они уже лепечут «мама» и «папа».

Вот и Тан Тянь, изо всех сил задрав крошечный клюв, пискнул в сторону Шэнь Гумина:

— Па-а-а-па!

Лян Сюань вскинул бровь. Что за дела? С какой стати его записали в матушки, а главного героя — в отцы?

Когда его самого называли «матушкой», он почувствовал, как рушится мир. Зато роль отца казалась весьма почетной.

— Он тебе как старший брат, — строго поправил Лян Сюань пичугу. — А твой отец — это я.

Шэнь Гумин растерянно поднял голову:

— Так это вы меня родили?

— Я нашел тебя в мусорном баке, — отрезал Лян Сюань.

(Машина равнялась мусорному баку, а похищение — спасению).

Шэнь Гумин завис.

— Ну... ладно. Один день учитель — на всю жизнь отец. Приемный отец тоже отец, тут не поспоришь.

Услышав это несносное слово на букву «У», Лян Сюань нахмурился:

— Хватит. Я ведь еще не согла...

Он осекся на полуслове. Шэнь Гумин удивленно уставился на него. Но стоило ему присмотреться, как сердце юноши едва не ушло в пятки.

Белоснежные одежды мастера поплыли перед глазами. Бледный, как полотно, Лян Сюань медленно сползал по стволу дерева, явно теряя сознание.

Сердце Шэнь Гумина бешено заколотилось. Он в мгновение ока подлетел к нему, судорожно пытаясь понять, что случилось, и выпалил три вопроса разом:

— Что с вами?

— Вы в порядке?

— Вы где-то ранены?!

Красивое юношеское лицо оказалось совсем близко, на нем читалась неподдельная тревога. Лян Сюань смотрел на него в упор. Его пальцы слабо дернулись, но он не произнес ни слова.

Шэнь Гумин заметил, как на лбу Лян Сюаня выступает холодная испарина, а некогда ясный взгляд застилает мутная пелена. Это не было обычной слабостью — казалось, человек угасает прямо на глазах. Но тот упрямо молчал, отчего паника юноши переросла в настоящий ужас. Его голос задрожал:

— Да скажите же хоть что-нибудь! Вы ранены? Вы... вы умираете?!

Как тут не паниковать? Если Вэйцы-цзюнь сейчас испустит дух, кто возьмет его в ученики? Как он овладеет непревзойденным искусством меча и станет величайшим заклинателем Поднебесной?!

— Вам нельзя умирать! — закричал Шэнь Гумин, и из его глаз брызнули слезы. — Я должен стать вашим учеником! Вы ведь обещали подумать! Глава Десяти Святых не может нарушить слово! Слышите?! Я вам не позволю умереть!!!

После этого вопля Лян Сюань слабо моргнул.

— Да нет, — тихо выдохнул он. — Я не умираю. Я просто... чертовски голоден. Силы кончились.

История повторялась с пугающей точностью.

В животе у Лян Сюаня протяжно и жалобно заурчало, подтверждая его слова.

Действительно, каково это — падать в обморок от голода?

Шэнь Гумин онемел.

— Но если я не съем хотя бы пол-рисового зернышка, — добавил Лян Сюань, — то действительно протяну ноги.

Если во время похищения кареты он был просто на грани истощения, то сейчас буквально балансировал на краю могилы.

Чтобы главный герой, отправившись за едой, не угодил в какую-нибудь смертельную ловушку и не оставил его помирать с голоду в этой глуши, Лян Сюань незаметно прилепил к его спине талисман марионетки. В критический момент эта штука спасет мальчишке жизнь.

— Управлять мечом через концентрацию духа умеешь? — спросил Лян Сюань.

Шэнь Гумин кивнул.

Лян Сюань протянул ему Цанлань:

— Держи. Одна нога здесь, другая там. На твою безопасность мне плевать, главное — доставь булочки в целости и сохранности.

Меч Цанлань испустил мягкое золотистое свечение, которое удивительно подходило к роскошному, буквально кричащему о богатстве наряду юноши.

Лян Сюань невольно подумал: мало того, что он беспардонно отобрал у оригинального персонажа его сюжетную линию, так теперь еще и мечом главного героя пользуется без зазрения совести.

«А я хорош, черт возьми!» — мысленно похвалил себя он, гордо расправив плечи.

Шэнь Гумин поколебался пару секунд, а затем, послушный как ягненок, тихо принял оружие:

— Хорошо...

— Умница, — улыбнулся Лян Сюань и протянул ему павлинье перо. — Если кто-то попытается помешать тебе купить булочки — заколоть его насмерть этой штукой.

Юноша застыл. Глядя на эту чарующую улыбку, Шэнь Гумин подумал, что слухи о невероятной красоте Вэйцы-цзюня вовсе не были преувеличением. Сердце в груди забилось чаще, но юноша даже не усомнился в своей ориентации.

Он был твердо уверен: эти чувства — исключительно глубокое почтение ученика к будущему наставнику, и ничего лишнего.

Да, именно так.

— О чем задумался? — Лян Сюань прищурился, глядя, как тот завис над пером. — Опять лазейку ищешь, как бы отца своего разыграть? Дай тебе волю, ты мне на шею сядешь. Стоит согласиться стать твоим учителем — и ты совсем страх потеряешь.

Шэнь Гумин промолчал.

Трепет в груди мгновенно улетучился.

«И как у него это получается?!»

«Я, на секундочку, сын великого заклинателя! С детства со мной все разговаривали с величайшим почтением, и только этот человек... Ох, как же иногда хочется его стукнуть!»

Но, поразмыслив, он признал, что злиться на Вэйцы-цзюня трудно. С такой внешностью и силой неудивительно иметь скверный характер. Его просто избаловали!

«Красивый, сильный — значит, всегда прав!»

Лян Сюань побоялся, что если Тан Тянь продолжит назойливо пищать «матушка», он в приступе ярости случайно придушит эту пернатую нечисть. Поэтому он велел Шэнь Гумину забрать птицу с собой.

Когда парень и птица скрылись из виду, в Долине радостных кошмаров воцарилась тишина.

Вокруг было так тихо, что шуршание листьев на ветру казалось оглушительным. Лян Сюань тихо вздохнул.

Облаченный в белое, он уселся на крышку гроба и устало прижал ладонь ко лбу.

Раньше он думал, что одиночество приносит покой, но сейчас понял, как ошибался.

В Цинсяо-цзун его всегда окружал невыносимый шум. И старейшины, и сверстники крутились вокруг него. Пусть характер у него был не сахар, а любимым развлечением было кого-нибудь поколотить (иногда до полусмерти), он оставался всеобщим любимцем. А когда ты любимчик, как бы ты ни чудил, люди все равно будут дорожить тобой.

Конечно, они не могли быть рядом постоянно. Лян Сюань часто оставался один, но по-настоящему одиноким себя не чувствовал.

Потому что прямо у него за спиной вечно устраивал безумные танцы один придурок.

В самом буквальном смысле — с дикими воплями и караоке посреди ночи.

Шумно, безумно, на всю катушку!

С самой первой секунды его попадания в этот мир этот невидимый наглец следовал за ним по пятам, не показываясь на глаза, но не умолкая ни на миг. Настоящий дух за спиной.

При этом призрак не помнил ни своего имени, ни возраста, ни откуда он взялся. Сплошное белое пятно вместо памяти.

В глубине души Лян Сюань винил во всем автора новеллы, который бросил сюжет на полпути. Раз уж у духа отшибло память, Лян Сюань никак не мог понять: то ли это какой-то забытый персонаж книги, то ли такой же попаданец, который при перемещении знатно приложился головой.

— Эй, дух, тебе вообще сколько лет?

— Эй, может, покажешься уже и станцуешь нормально?

— А если я прочту сутру Великого сострадания, ты наконец упокоишься с миром?

— Ну поговори со мной. Разве у вас, призраков, нет обязанности развлекать своего носителя? Постарайся получше.

—... Может, не будешь меня так называть, дорогуша? — отозвался голос.

Для удобства Лян Сюань окрестил его Син И.

Это имя он когда-то придумал для своего рисованного персонажа в период подросткового бунтарства (хотя потом безжалостно порвал тот рисунок).

Син И казался совсем юным. В его бархатистом, глубоком голосе сквозила приятная юношеская мягкость. Но стоило этому обладателю чудесного голоса запеть, как начинался сущий кошмар.

Это насилие над ушами!

Было время, когда Лян Сюань засыпал под его завывания, а в голове до утра крутились одни и те же дурацкие мотивы. Вспыльчивый по природе, он тогда едва не лишился рассудка от злости.

— Пой сколько влезет, — бушевал он, швыряя подушку, — но почему именно старая эстрада и песни про светлое будущее?! Ты в каком веке застрял, чудовище?!

Теперь он горько раскаивался в том, что в минуты хорошего настроения любил напевать дурацкие песенки из прошлой жизни. Кто же знал, что этот призрак запомнит каждую строчку и начнет горланить их сам?

— Готовься, — весело отозвался Син И, — сейчас выдам тебе что-нибудь потяжелее.

Лян Сюань долго терпел, но всему есть предел:

— Пёс Син, чтоб ты сдох еще раз.

— О, не знал, что твои ругательства могут звучать так соблазнительно, Сюань-Сюань. Я уже представил, как ты танцуешь под эту песню. Дай мне минутку, я сохраню это в памяти.

— Только попробуй, и я сотру тебя в порошок.

— Сохранение завершено на сто процентов... Эй, ты что делаешь?

Лян Сюань, погружаясь в состояние медитации, холодно процедил:

— Решил устроить взаимное уничтожение? Раз уж мы делим один разум, держи порцию отборной пошлятины прямо в сознание. Наслаждайся зрелищем.

— О-о-о... — притворно смутился Син И. — Сюань-Сюань, шалун...

— Пёс Син, иди к черту.

Лян Сюань мог сколько угодно злиться и сыпать проклятиями, но теперь, когда Син И исчез, его охватила невыносимая, острая тоска.

Он понимал: Пэй Таньцзы и все остальные заботились о нем лишь потому, что видели в нем Лян Ланьина. Он занимал чужое тело, отвоевав его у прежнего владельца в жестокой схватке душ. На самом деле вся эта любовь, все эти почести предназначались оригинальному герою, а вовсе не ему — пришельцу из другого мира.

И только этот несносный, глупый невидимый дух... только этот придурок общался именно с ним. С Лян Сюанем.

Воспоминание

Однажды Син И спросил:

— Сюань-Сюань, а что значит «питать нежные чувства»?

Лян Сюань мысленно обозвал его неграмотным, но все же снизошел до объяснения:

— Это значит любить.

Син И тихо хмыкнул.

— И к чему такие вопросы? Только не говори, что ты, бесплотный дух, умудрился в кого-то влюбиться, — съязвил Лян Сюань. — Несчастный же это человек, раз на него пал твой выбор.

Призрак ненадолго замолчал, а затем негромко произнес:

— Действительно. И почему же тебе так не везет?

Лян Сюань осекся.

Син И тихо рассмеялся. Его голос прозвучал так близко, словно дыхание коснулось самой шеи:

— Мне нет дела до Лян Ланьина — я никогда о нем не слышал и в глаза не видел. Тот, кого я люблю, — это ты. Только ты, Лян Сюань.

Он сделал крошечную паузу и нежно добавил:

— Мой учитель.

<http://bllate.org/book/18178/1749268>